

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: aborisenko2@mail.ru

ЭКСПЕДИЦИЯ И. Г. ГРАНЭ ПО ЮЖНОМУ АЛТАЮ В 1909 ГОДУ *

В статье анализируются результаты экспедиции, совершенной по заданию Финно-угорского общества по южным районам Алтая в 1909 г. И. Г. Гранэ, ученым-географом из Финляндии, входившей в этот период в состав Российской империи. Это археологические памятники, выявленные во время прохождения экспедиционного маршрута по территории современного Казахстанского и Российского Алтая. Собранные И. Г. Гранэ археологические материалы и вклад этого исследователя в изучение археологических памятников Южной Сибири оцениваются с современных научных позиций.

Ключевые слова: Южный Алтай, Бухтарма, ученые из Финляндии, Финно-угорское общество, археологические памятники.

В XIX и на рубеже XX в. существенный вклад в изучение древностей Сибири и Центральной Азии внесли ученые из Финляндии, которая в то время входила в состав Российской империи. Основным направлением их научной деятельности в Саяно-Алтае, Монголии, Синьцзяне и на Тянь-Шане были поиски и исследование памятников рунической письменности, которую они связывали с предками финно-угорских этносов. Попутно фиксировались и другие виды археологических памятников, обнаруженных исследователями в ходе экспедиционных поездок по Северной и Центральной Азии.

Одним из ученых, побывавших в Сибири и сопредельных регионах Монголии и Китая в начале XX в., был И. Г. Гранэ [Granö, 2010]. Главной областью научных интересов Иоганнеса Габриэля Гранэ (Johannes Gabriel Granö, 1882–1956 гг.) являлась география. Именно с его научной деятельностью в Финляндии связывают оформление этой науки в самостоятельную дисциплину в университете г. Турку. В деятельности И. Г. Гранэ финские ученые выделяют несколько периодов, один из которых, сибирский, приходится на

1902–1916 гг. В 1906–1910 гг. по заданию Финно-угорского общества он совершил три поездки в Саяно-Алтай и Центральную Азию, в ходе которых были зафиксированы разнообразные археологические памятники – древние курганы, поминальные сооружения, каменные стелы, изваяния, наскальные рисунки, рунические надписи [Granö, 1912]. В это время, так же как и в более поздний период, им было написано и издано несколько научных работ, в том числе по археологии Сибири и Центральной Азии. При жизни И. Г. Гранэ его работы издавались в первую очередь на финском и немецком языках. Впоследствии интерес к его деятельности привел к изданию ряда трудов на французском, шведском, эстонском и других языках. Отдельные публикации этого исследователя были переизданы на русском языке [Кызласов, 1969. С. 177, примеч. 57]. Однако собранные им в ходе экспедиционных поездок археологические материалы до настоящего времени остаются мало известными среди исследователей Алтая и Центральной Азии. В научной литературе содержатся краткие упоминания о результатах его научной деятельности в Туве [Там

* Работа выполнена при финансовой поддержке АБЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2009–2010 годы)» (проект РНП 2.2.1.1/1822).

же. С. 10]. Имеются лаконичные сведения о нескольких каменных изваяниях, обнаруженных И. Г. Гранэ в 1907 г. на Алтае. Эти материалы особенно важны, поскольку сами изваяния не сохранились до настоящего времени [Кубарев, 1984. С. 7]. Результаты его исследований на части территории Южного Алтая, относящегося к Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан, остались вне поля зрения исследователей этого региона [Черников, 1960. С. 8]. Однако собранные И. Г. Гранэ экспедиционные материалы представляют интерес не только для истории археологической науки в России и Финляндии, но и для современных археологических исследований в Саяно-Алтае и Центральной Азии, поскольку в ходе поисков ему удалось зафиксировать редкие по своей конструкции памятники, раскопки которых должны способствовать реконструкции заупокойной обрядности древнего и средневекового населения Южного Алтая.

В данной статье анализируются археологические памятники, зафиксированные И. Г. Гранэ в ходе его поездки по южным районам Алтая в 1909 г. В пределах всего Саяно-Алтая он совершил несколько экспедиционных поездок. Первые из них были проведены в 1906–1907 гг. В ходе этих поисковых маршрутов он обнаружил и описал некоторые археологические памятники, в том числе курганы, каменные стелы и изваяния. Как было отмечено выше, о результатах этих работ имеются краткие упоминания в работах российских исследователей [Кызласов, 1969. С. 10; Кубарев, 1984. С. 7].

В 1909 г. им была предпринята еще одна поездка на Алтай и в Центральную Азию с целью выявления особенностей и систематизации конструкций внешних сооружений, обнаруженных им археологических памятников. Маршрут поездки включал в себя часть современного Российского и Казахского Алтая, Монгольский Алтай, Китайский Алтай или северо-западную часть Синьцзяна, а также Центральную Монголию. В ходе этих поездок были выявлены многочисленные археологические памятники, относящиеся к различным историческим эпохам.

До начала XX в. памятники древности, расположенные в южных районах Алтая, уже неоднократно становились объектами

исследований ученых. В течение XIX в. на этой территории работали многие известные исследователи, среди которых были специалисты горного дела, географы, биологи и любители старины. Их интересовали преимущественно древние горные выработки, по расположению которых нередко обнаруживались рудные месторождения.

В 1804 г. на территории Горного Алтая работала рудно-поисковая партия во главе с маркшейдером И. Шлаттером [Розен, 1983. С. 26]. Маршрут этой разведывательной партии проходил от р. Бии до районов р. Бухтармы. И. Шлаттером был выявлен ряд археологических памятников и составлена петрографическая карта с нанесенными на нее древними городищами, курганами и «древними чудскими копиями».

С 1809 по 1817 г. изучением алтайских и казахстанских древностей занимался Г. И. Спасский, большой любитель древностей, в течение ряда лет работавший в качестве смотрителя Бухтарминского и управляющего Змеиногорского рудников, а также путешествовавший в составе горно-геологических экспедиций по Сибири. Работая в горном ведомстве Колывано-Воскресенского округа, он описывал старинные горные выработки и остатки плавильного дела, на скальные рисунки и письма, производил археологические раскопки, занимался этнографическим изучением алтайцев. Подробнейшие отчеты о своих путешествиях и экспедициях он публиковал в различных российских журналах – Горном журнале, Сибирском вестнике, Азиатском вестнике и ряде других изданий, выпуск части которых он сам оплачивал [Спасский, 1818. С. 130–177].

В 1826 г. на Алтае работала экспедиция ученых-натуралистов из Дерптского, ныне Тартуского, университета в Эстонии: профессоров К. Ф. Ледебур, А. А. Бунге и К. А. Мейера [Ледебур и др., 1993]. Во время поездки ее участниками были раскопаны некоторые курганы, описаны культурные традиции местного населения Горного Алтая, осмотрены развалины Аблайкитского монастыря [Борисенко, Худяков, 2005. С. 154–155].

В 1829 г. по Алтаю и Прииртышью прошел маршрут германской научной экспедиции во главе с ведущим географом того времени А. фон Гумбольдтом, приглашен-

ным правительством Российской империи. Участники этой экспедиции побывали, в том числе, и на Бухтарме, а материалы исследований, где имеются упоминания о древних памятниках, были обобщены в сочинениях А. фон Гумбольдта, Г. Эренберга и Г. Розе [Гумбольдт и др., 1837].

В 1840–1843 гг. по степному Алтаю, бывшей территории Джунгарии, степям Северного и Восточного Казахстана путешествовал ботаник, сотрудник Петербургского ботанического сада А. И. Шренк. Кроме естественно-научных задач, он активно интересовался древностями, производил раскопки древних памятников, собирал археологические находки [Демин, 1989. С. 52]. Наибольший научный интерес среди материалов экспедиции А. И. Шренка в области изучения археологических памятников представляет коллекция собранных им находок, часть которой до сих пор хранится в фондах Музея антропологии и этнографии Российской академии наук в Санкт-Петербурге.

В 1860–1870 гг. экспедиционные работы в Южной Сибири и Центральной Азии, в том числе на Алтае и в Казахстане, включая раскопки курганов и поминальных сооружений, проводил В. В. Радлов. Им были исследованы территории по рекам Урсул и Онгудай, Чуйская и Уймонская долины, окрестности с. Катанда и Берельская степь на Бухтарме, а в следующем году раскопаны курганы у городов и поселков Семипалатинска, Кекпекти и Павлодара, а также в районе оз. Сарыозек. По результатам этих исследований ученым разработана первая периодизация сибирских древностей, в рамках которой были учтены материалы из памятников, раскопанных на Южном Алтае [Радлов, 1989. С. 9–13, 416–417, 419, 477].

С 1887 по 1889 г. изучением археологических памятников Сибири и Монголии занималась группа ученых из Финляндии, которую возглавлял профессор И. Р. Аспелин. В 1888 г. он предпринял поездку на Алтай, одной из целей которой было изучение рунической надписи, найденной на р. Чарыш и опубликованной в 1809 г. Г. И. Спасским. Собранные учеными ценные археологические материалы были опубликованы в 1931 г. Я. Аппельгрэн-Кивало [Appelgren-Kivalo, 1931. S. 27–29].

Приступая к изучению археологических памятников на территории Южного Алтая, И. Г. Гранэ, безусловно, был осведомлен об исследованиях своих предшественников. Однако он полагал, что в известной ему научной литературе результаты научного анализа и осмысления алтайских памятников освещены не достаточно. «Открыты курганные насыпи, найдены древнетюркские наскальные изображения и надписи. О таких исследовательских работах многие люди могут что-то рассказать, но в научной литературе об этом очень мало сведений». По его мнению, материалы предшествующих экспедиций носили общий характер, а для более точных исследований требуются «конкретные археологические исследования» [Granö, 1910. S. 9].

В конце весны, 21 мая 1909 г., И. Г. Гранэ выехал из Хельсингфорса, как в этот период называлась столица Великого княжества Финляндия – Хельсинки, через Санкт-Петербург и Москву добрался до сибирского города Омска. Оттуда его путешествие продолжилось на речном пароходе по Иртышу на юг через Павлодар, Семипалатинск и Усть-Каменогорск. Через двадцать дней после начала своего путешествия, 10 июня, он добрался до селения Мало-Красноярск, располагавшегося на пути из Усть-Каменогорска в направлении Горного Алтая. Продвигаясь далее на восток на автомобиле, 12 июня 1909 г. он приехал в поселок Котон-Карагай, или, как ее назвал в описании своего путешествия И. Г. Гранэ, «Алтайскую станицу». Именно этот пункт должен был стать началом его экспедиционного маршрута (рис. 1). Здесь он нанял двух «киргизов» (вероятно, казахов. – А. Б.) в дополнение к уже имеющимся у него нескольким помощникам из Омска, и лошадей, которых в составе его экспедиционного каравана с этого времени насчитывалось десять. Путешествие началось 22 июня 1909 г. верхом на лошадях из Котон-Карагая по направлению к местности Улан-Даба. Все путешествие по Южному Алтаю, включая современные территории Казахстана и России, заняло две недели. По всему маршруту экспедиции исследователь осматривал и фиксировал различные археологические памятники.

Результаты этой экспедиции И. Г. Гранэ были им опубликованы уже в следующем, 1910 г. в ежегодном выпуске журнала Фин-

но-угорского общества. Археологические наблюдения о его поездке в Южную Сибирь и Северо-Западную Монголию содержат обстоятельное описание, планы, карты маршрутов, рисунки и фотографии некоторых археологических памятников. Вся работа состоит из четырех глав, в которых описаны Русский Алтай, Китайский Алтай, степные области между монгольскими поселками Кобдо и Улясутаем, а также Хангай в центральной части Монголии.

В данной статье предполагается охарактеризовать результаты его научных поисков на территории Южного Алтая, входившего в тот период в состав Российской империи. В соответствии с территориальной принадлежностью того времени, И. Г. Гранэ в своем сочинении называет данный район «Русским Алтаем». Изученные им археологические материалы могут послужить дополнением к истории исследования этих районов Южной Сибири и Восточного Казахстана.

В главе о Русском Алтае И. Г. Гранэ приводит сведения о территориях, расположенных восточнее Котон-Карагая, вдоль долины Бухтармы вплоть до плато Укок (см. рис. 1). Ученый считал, что эти районы вместе с долинами рек бассейна Оби, Чуи и Катуня были благоприятными и важными местами расселения людей на Русском Алтае в древности. Поэтому основной задачей своей экспедиции он видел выявление общих характерных черт древних памятников именно этих территорий [Granö, 1910. S. 9]. По его мнению, внешний облик древних погребений для его предшественников «всегда оставался второстепенным вопросом», поэтому И. Г. Гранэ сконцентрировал свое внимание именно на этом аспекте исследований.

Следуя по южной стороне Бухтармы, экспедиция переходила от одной речной террасы к другой, отмечая отдельно расположенные курганы или группы курганов. В 3 км от восточной окраины степи Karadzir, как называет это место И. Г. Гранэ, а на современных картах – урочище Каражер, исследователем была отмечена группа памятников, один из которых был ранее кемто уже раскопан. Однако по тексту его книги трудно определить, были ли это научные археологические раскопки или грабительские. И. Г. Гранэ отметил каменные насыпи, расположенные в 3–4 м друг от друга,

а также особо выделил «киргизскую (вероятно, казахскую. – А. Б.) могилу». По каким внешним признакам ученый выделил ее в отдельную группу памятников и как определил принадлежность к «киргизам», остается не ясным.

Участок долины Бухтармы на ее левом, пологом берегу, между ее притоками реками Курту и Таутекели, И. Г. Гранэ упоминает под названием Табату. В ее западной стороне экспедицией также было найдено и описано несколько курганов. В настоящее время на картах они обозначаются – мог. Табаты. Курганы представляли собой небольшие каменные насыпи диаметром 4–6 м. Насыпи состояли из каменной гальки и булыжников. К востоку от курганной группы стояли 3 камня, возвышающихся над землей на 30–40 см. Продвигаясь в восточном направлении, И. Г. Гранэ отмечал отдельно стоящие курганы по одному или два рядом, на небольших расстояниях друг от друга (не более 2,5 км), а также каменные стелы, не превышающие 1 м в высоту. Таким образом, на территории Табату им было зафиксировано 15 каменных насыпей диаметром до 6 м и 5 каменных стел высотой от 30 см до 1 м, самая высокая из которых стояла с восточной стороны одного из курганов. Ученый отмечал, что Табату оставалось популярным местом захоронения и во время его пребывания там, о чем свидетельствуют «множество киргизских могил с квадратной глиняной или деревянной оградой» [Granö, 1910. S. 12]. К сожалению, в работе среди рисунков и фотографий эти памятники не обозначены. Вероятно, в данном случае речь может идти о казахских мусульманских могилах – мазарах.

Продолжая движение вдоль берега Бухтармы, 2,5 км к западу от р. Курту И. Г. Гранэ обнаружил группу курганов, состоящую примерно из дюжины могильных холмов, возле которых с восточной стороны располагались 3 каменные стелы. Камни стояли в линии С–Ю. Одна насыпь, по мнению исследователя, была разделена на две части. По предположению И. Г. Гранэ, она была разделена во время полевых сельскохозяйственных работ [Granö, 1910. S. 12].

При переходе через Курту ученым было отмечено значительное сужение долины Бухтармы практически до ущелья. Эта местность получила название Taraty («тесное место» – пояснение И. Г. Гранэ). Здесь был

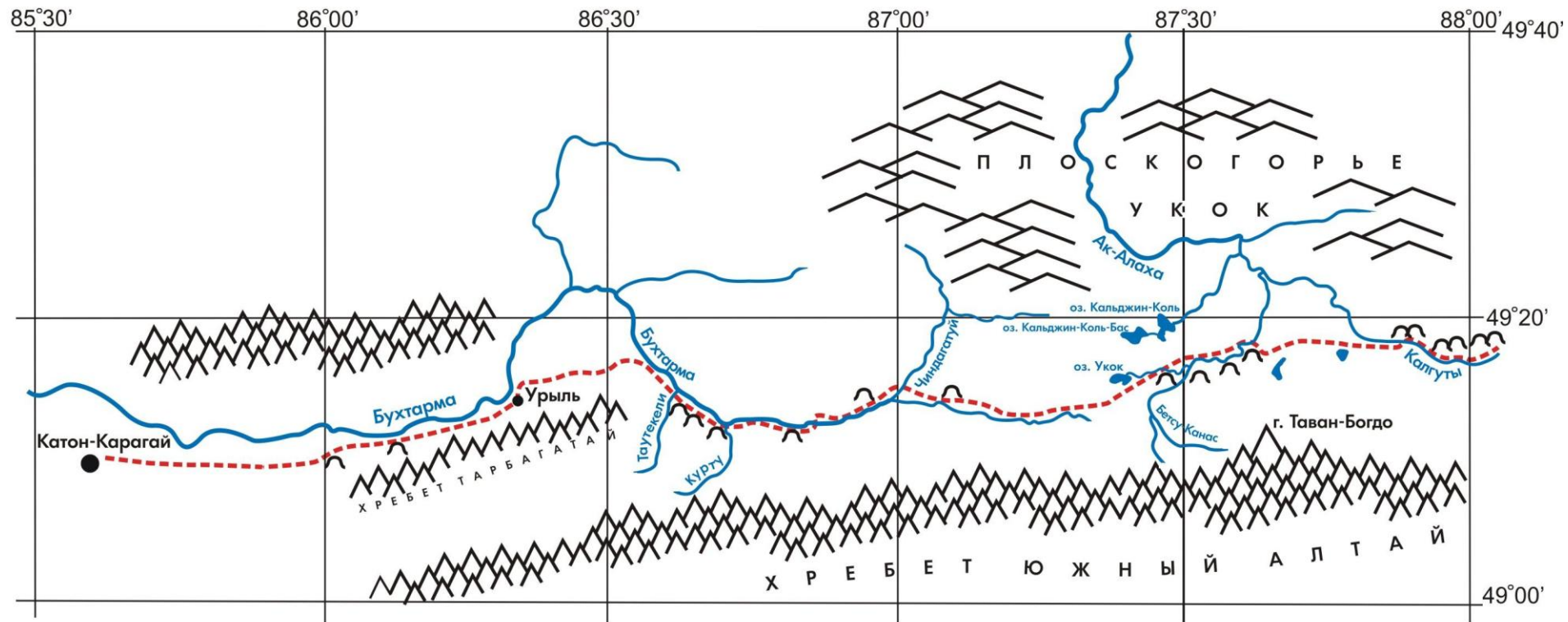

Рис. 1. Карта экспедиционного маршрута И. Г. Гранэ в 1909 г. по Южному Алтаю

возведен мост, по которому экспедиционный отряд И. Г. Гранэ перешел на другой берег Бухтармы. В 9 км от устья Курту, не доходя 2 км до моста Тагату, экспедицией были обнаружены еще несколько курганов, которых также нет среди зарисовок и фотографий. Курганная группа располагалась на северном берегу Бухтармы, состояла из 5 курганов, насыпь которых была выполнена из галечника и булыжников. Судить о возможной хронологии и культурной принадлежности памятников, обнаруженных И. Г. Гранэ на первом участке пройденного им экспедиционного маршрута по его кратким описаниям, за исключением казахских мусульманских мазаров, не представляется возможным.

В 9 км от бухтарминского моста был найден курган, возле которого с восточной стороны располагались в ряд 3 каменные стелы (рис. 2, 1). Самая западная, расположенная ближе всего к насыпи кургана, представляла собой каменное изваяние человека. Оно было глубоко врыто в землю, над землей можно было рассмотреть только «верхнюю часть платья» и ворот [Granö, 1910. S. 12]. На плане памятника показаны округлая в плане каменная насыпь и три вертикальные стелы, установленные в ряд с восточной стороны на одинаковом расстоянии одна от другой. К сожалению, автор не приводит изображения обнаруженного им изваяния. На плане оно обозначено треугольным значком. Необходимо отметить, что ряды каменных стел нередко устанавливались в восточном направлении от насыпей курганов пазырыкской культуры скифского времени [Кубарев, 1987. С. 11]. Однако, если судить по названным исследователем реалиям, изображенным на каменной стеле, например, деталям одежды, это могло быть каменное изваяние древнетюркской культуры. Вместе с тем необходимо учесть, что древнетюркские каменные изваяния устанавливались с восточной, значительно реже – с западной стороны и не от курганных насыпей, а от поминальных сооружений. Поэтому по краткому описанию и приведенному плану объекта трудно определить, какой именно вид памятника был зафиксирован исследователем.

В районе моста через Чингатуй караванная дорога, по которой продвигалась экспедиция, поднимается на галечный холм. На этом холме было зафиксировано 5 курганов:

один из них находился на правой стороне дороги, остальные – на противоположной. Однако план этого памятника не был включен в публикацию И. Г. Гранэ.

В окрестностях горы Канас, при впадении в реку небольшого ручья, берущего свое начало в оз. Укок, расположена небольшая терраса. На ней исследователем было отмечено еще одна группа курганов, состоящая из 6 каменных насыпей. По предположению И. Г. Гранэ, самая западная из них имеет большее, чем у остальных, значение [Granö, 1910. S. 14]. Вероятно, такое заключение основывается на размерах каменной насыпи этого кургана, которая, судя по приведенному рисунку, существенно больше, чем у всех остальных выкладок. Восточнее от этого кургана расположены два более мелких кургана. Один из них находился в линии с самым большим, второй – южнее. Далее по линии 3–В выложена длинная прямоугольная «груда камней», рядом с которой еще три небольшие курганные насыпи. Одна из них расположена по линии 3–В, а остальные по диагонали на С–3 (рис. 2, 2). К сожалению, по краткому описанию и приведенному плану сложно судить о хронологии и культурной принадлежности этого памятника.

Продвигаясь по Бухтарме, И. Г. Гранэ дошел до лесостепной границы плато Укок. По его описанию, обследованная местность представляла собой широкие, с пологим уклоном, отвальные террасы. В западной части этой местности он не нашел каких-либо древних памятников. Южнее русского таможенного поста исследователем была отмечена большая группа курганных насыпей, расположенных по линии С–Ю. Их разделяет каменное четырехугольное сооружение длиной 10 м, шириной 5 м. Оно представляло собой каменную ограду, разделенную на два почти ровных квадрата (рис. 2, 3). По своим конструктивным особенностям этот объект напоминает один из видов поминальных сооружений древнетюркской культуры – «коллективные», или «смежные», оградки [Гаврилова, 1965. С. 14–15].

Здесь нужно сделать некоторые уточнения относительно географической привязки упоминаемых памятников. И. Г. Гранэ, описывая курганы, говорит о р. Канас. Но на современной карте есть р. Бетсу-Канас, которая является притоком р. Ак-Алаха. Учитывая топографические особенности района,

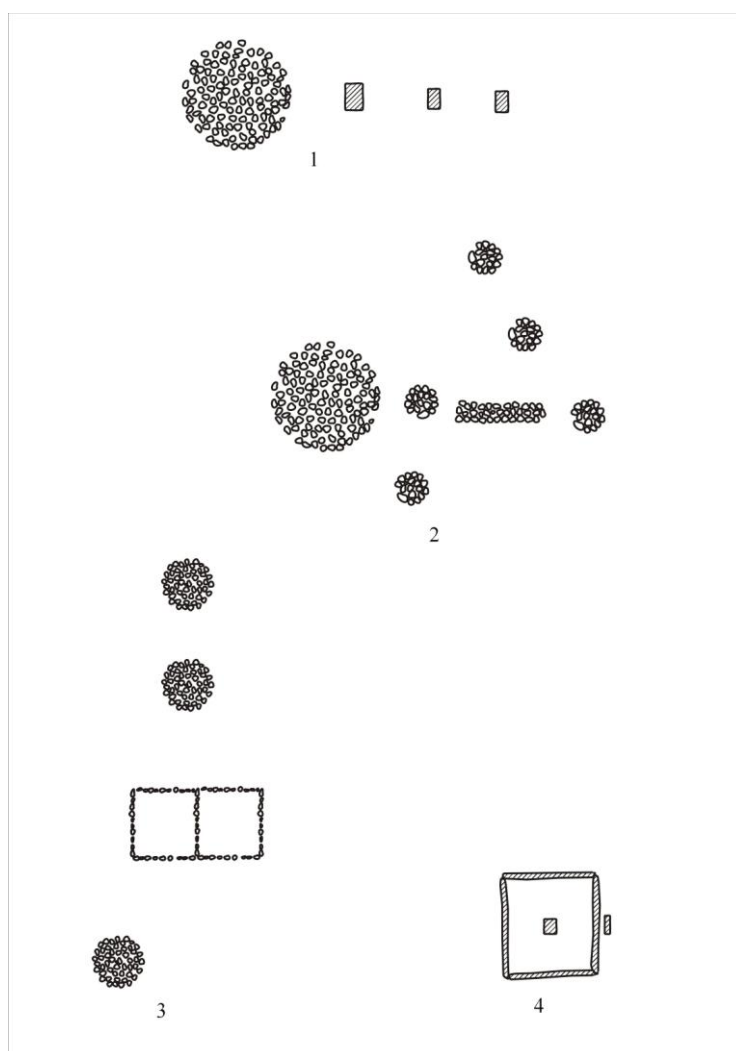

Рис. 2. Планы памятников в долинах рек Бухтарма и Канас (без масштаба, без указания сторон света) (по: [Granö, 1910. Taf. I, fig. 1, 2; Taf. VI, fig. 1; Taf. X, fig. 2]): 1 – курган с каменными стелами, р. Бухтарма; 2, 3 – курганные группы, р. Канас; 4 – «Степная могила», р. Канас (план памятников доработан автором)

а также результаты соотнесения описаний местности и карты района, можно предположить, что р. Канас, о которой говорит ученый, на самом деле является Ак-Алахой, и приведенные им памятники располагаются по ее берегам. Однако мы в статье будем употреблять то название, которое использовал И. Г. Гранэ.

В нескольких километрах на Ю–З И. Г. Гранэ было отмечено квадратное сооружение из камней, названное им «Степная могила». Она располагалась обособленно на террасе долины р. Канас и на приведенном плане также названа «Канас». Длина камен-

ных плит, составляющих ограду этой «могилы», равна 1,5 м. Сооружение ориентировано сторонами по сторонам света. В середине могилы стоит четырехугольная стела высотой 1,4 м. На восточной стороне могилы находится еще один, меньший по размерам камень (рис. 2, 4). Судя по описанию и плану, обнаруженное И. Г. Гранэ сооружение представляет собой оградку из массивных каменных плит с вертикально установленной стелой в центре и вертикальным каменным столбом с восточной стороны. Подобные сооружения в Центрально-Азиатском регионе могут относиться к

бронзовому или раннему железному веку [Худяков, 1987. С. 157–158]. Однако эти памятники иногда использовались вторично древними тюрками для совершения своих поминальных обрядов в качестве оградок.

Постепенно холмистое плоскогорье спускалось к долине р. Калгуты, в районе которой также были отмечены отдельные курганы и курганные группы. На расстоянии 1 км к 3 от озера, образованного р. Калгуты, расположились 4 курганные насыпи значительно больших размеров, чем все встреченные ранее. Они состояли из галечника и булыжников.

Неподалеку от переправы через р. Калгуты был замечен курган с каменной насыпью. Диаметр ее составлял 3 м. Курган заинтересовал ученого наличием круга из камней, выложенных вокруг насыпи (рис. 3, 1). Согласно современным представлениям, этот памятник может представлять собой одиночный курган – херексур, состоящий из центральной насыпи и кольцевого ограждения, относящийся к позднему бронзовому или раннему железному веку [Худяков, 1987. С. 141–145].

Восточнее этого кургана (херексура) находились простые круговые каменные постройки (рис. 3, 2). Вероятнее всего, так исследователь назвал кольцевые выкладки, которые нередко соседствуют с херексурами. Археологи, изучавшие эти выкладки, считают их жертвенниками, непосредственно связанными с сооружением херексуров [Там же. С. 141–145].

В этой же местности, в нескольких метрах восточнее, с другой стороны дороги, по которой проходил маршрут экспедиции, было расположено округлое каменное сооружение. Данный памятник не был исследователем зарисован, поэтому судить об особенностях его конструкции, назначении, хронологии и культурной принадлежности не представляется возможным.

На некотором отдалении от обозначенных кольцевых оград были найдены еще подобные постройки, одна из которых возведена вокруг каменной стелы. Судя по описанию и рисунку, вертикально установленная каменная стела находилась внутри кольцевой выкладки из восьми камней (рис. 3, 3). Она возвышалась над горизонтом на 0,75 м, ширина почти равнялась высоте, только немного сужалась к низу. Подобные

восьмикаменные выкладки, но без каменных стел, нередко соседствуют с курганами пазырыкской культуры. Вероятнее всего, они представляют собой поминальные выкладки, или жертвенники, при раскопках которых были обнаружены следы огня и обломки костей животных [Кубарев, 1987. С. 11–12]. Однако этот памятник отличается от обычных восьмикаменных колец тем, что внутри его установлена каменная стела.

Остальные, зафиксированные в этой местности в долине р. Калгуты, каменные ограды имели квадратную форму (рис. 3, 4), располагались в линию С–Ю и находились на небольшом расстоянии друг от друга, в непосредственном соседстве с курганными насыпями. Внутри самого южного сооружения поблизости от северной стенки стоял небольшой камень и такой же камень был установлен за северной стенкой центральной оградки. Описание этого памятника можно уточнить по приведенному в книге И. Г. Гранэ плану памятника [Granö, 1910. Taf. VI, fig. 2]. На приведенном рисунке изображены расположенные в ряд с севера на юг три квадратные оградки, окаймленные квадратными выкладками из камней. Внутри самой южной оградки отмечен вертикально установленный камень. Еще один вертикальный камень был установлен за северной стенкой центральной оградки (рис. 3, 5). Вероятно, на данном памятнике И. Г. Гранэ был зафиксирован ряд квадратных оградок, которые должны относиться к древнетюркской культуре раннего средневековья, несколько необычной конструкции с внешним ограждением из камней и вертикальными стелами, установленными внутри, или снаружи северной стенки южного и центрального сооружений.

В этой же местности, но дальше на восток, исследователем были обнаружены квадратные каменные сооружения, по размеру большие, чем ранее уже описанные им «Степные могилы» (рис. 3, 6). Автор ограничился уточнением, что по своей конструкции они были аналогичны приведенным выше оградкам. Однако если судить по приведенному рисунку, в данной местности им был зафиксирован ряд из четырех смежных квадратных каменных оградок. Подобные оградки характерны для культуры древних тюрков в Саяно-Алтае и Монголии [Худяков, 1985. С. 181].

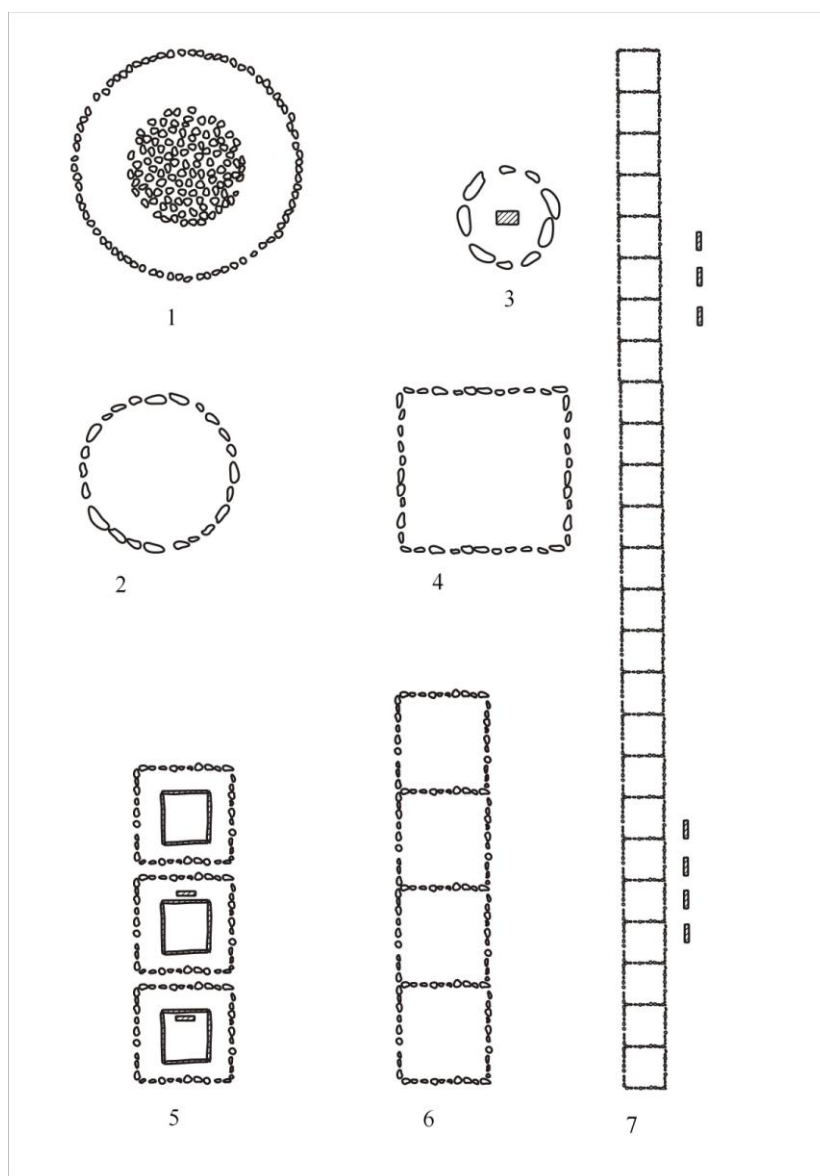

Рис. 3. Планы памятников в долине р. Калгуты (без масштаба, без указания сторон света) (по: [Granö, 1910. Taf. I, fig. 3; Taf. VI, fig. 2; Taf. VIII, fig. 1–5]): 1 – херексур; 2 – кольцевая выкладка; 3 – «восьмикаменная» выкладка со стелой в центре; 4 – квадратные каменные оградки; 5 – квадратные смежные каменные оградки; 6, 7 – ряды смежных каменных оградок (план памятников доработан автором)

В 3 км от этого памятника экспедиция обнаружила узкие прямоугольные каменные сооружения, которые разделялись поперечными рядами на квадраты. Длинные стороны сооружений ориентированы по линии С–Ю, как и четырехугольные строения в долине Калгуты. И. Г. Гранэ предполагал, что они могли носить торжественный, церемониальный характер и были посвящены горе Тобун-Богдо, находящейся к югу от

указанной местности. Ученый считал, что эта гора была в древности предметом поклонения, поскольку ее название переводится как «Пять святынь». Однако у него возникло и другое предположение, согласно которому конструкция и расположение четырехугольных строений были основаны на результатах астрономических наблюдений. Восточнее одного такого длинного каменного сооружения на р. Калгуты И. Г. Гранэ

были зафиксированы шесть установленных в ряд вертикальных каменных стел, ориентированных по линии С–Ю. Самая южная среди них стела оказалась поваленной. На планах этот ряд стел не зафиксирован.

Другое, достаточно необычное сооружение располагалось восточнее от группы описанных выше стел. По описанию И. Г. Гранэ, оно представляло собой длинный «каменный двор» и разделялось поперечными стенками на 25 квадратов с длиной стороны 1,5–2 м. С восточной стороны на уровне пятого и двадцатого квадратов вдоль стороны строения были установлены в ряд соответственно 4 и 3 вертикальные каменные стелы (рис. 3, 7). Судя по краткому описанию и приведенному рисунку, это сооружение напоминает соединенные смежными стенками квадратные оградки древнетюркской культуры, с восточной стороны от нескольких из них установлены каменные стелы. Однако оно совершенно необычно по количеству соединенных между собой в один ряд отдельных объектов – 25 квадратных оградок. Обычно ряды древнетюркских смежных оградок состоят из двух, реже трех или четырех оградок.

Немного восточнее описанного исследователем длинного «каменного двора» располагалось округлое каменное сооружение диаметром примерно 10 м. Далее на расстоянии 5 км вверх по долине Калгуты, на той же стороне реки, им был обнаружен ряд каменных оградок, ориентированный по линии В–З, разделенный на четыре смежных квадратных сооружения. План этого памятника И. Г. Гранэ не приведен.

Дальнейшие поиски участниками экспедиции археологических памятников в верхней части долины Калгуты и в ближайших окрестностях Улан-Бабы не увенчались успехом.

Оценивая результаты изучения древностей Южного Алтая экспедицией И. Г. Гранэ, необходимо отметить, что в целом они соответствовали уровню развития археологической науки начала XX в.

Вероятно, можно согласиться с его оценкой по поводу того, что предшествующие исследователи не обращали должного внимания на внешние конструктивные особенности археологических памятников, обнаруженных на территории Южной Сибири. В результате такого целенаправленного внимания к внешнему виду и расположению

памятников древности в районе маршрута, пройденного его экспедицией, И. Г. Гранэ удалось обнаружить и зафиксировать несколько достаточно необычных по своим конструктивным особенностям памятников древности. В частности, к числу редких памятников можно отнести такие объекты и археологические комплексы, как вертикальная каменная стела, установленная внутри восьмиканального кольца из долины р. Калгуты; ряд оградок с двойным ограждением и стелами, установленными у северной стенки внутренних сооружений в долине этой же реки; ряд из 25 оградок с несколькими стелами в той же Калгутинской долине и некоторые иные интересные археологические памятники. Если современным исследователям удастся изучить эти памятники, полученные в результате раскопок, археологические материалы должны уточнить и расширить существующие представления о культурах бронзового, раннего железного веков и раннего средневековья в данном районе Южного Алтая.

Однако примененная И. Г. Гранэ методика поиска памятников вдоль заранее намеченного маршрута, проложенного по существующей конной тропе, без охвата всей площади обследуемого района, и выборочная фиксация отдельных археологических объектов не позволили исследователю в должной мере выявить существующую вариативность конструкций, обнаруженных им курганных насыпей и поминальных сооружений, большую часть которых трудно соотносить с памятниками выделенных к настоящему времени на территории Горного Алтая древних и средневековых археологических культур.

Список литературы

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2005. 270 с.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 143 с.

Гумбольдт А., Эренберг Г., Розе Г. Путешествие в 1829 году по Сибири и к Каспийскому морю. СПб., 1837. 179 с.

Демин М. А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989. 120 с.

Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 230 с.

Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 301 с.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 211 с.

Ледебур К. Ф., Бунге А. А., Мейер К. А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. 412 с.

Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. 749 с.

Розен М. Ф. Древняя металлургия и горное дело на Алтае // Древние рудники и металлургия Сибири. Барнаул. 1983. С. 19–34.

Спасский Г. И. О сибирских древних курганах // Сибирский вестник. СПб., 1818. Ч. 2. С. 130–177.

Худяков Ю. С. Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии (по материалам СМИКЭ в 1979–1982 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 168–184.

Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология

Монголии. Новосибирск, 1987. С. 136–162.

Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 88. 272 с.

Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors, 1931. 72 S.

Granö G. J. Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwest-Mongolien im Jahre 1909 von J. G. Granö. Helsingfors, 1910. 67 S.

Granö G. J. Über die geographische Verbreitung und Forschung der Altertümer in der Nordwestmongolei // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 1912. Bd. 28. S. 1–55.

Granö O. References to the work of J. G. Granö // Publicationes instituti geographici universitatis turkuensis a. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sci.utu.fi/maantiede/laitos/julkaisut/numerot2/grano-screen.pdf> (дата обращения 28.01.2010).

Материал поступил в редколлегию 15.02.2010

A. Yu. Borisenko

THE EXPEDITION I. G. GRANÖ ON SOUTHERN ALTAI IN 1909

The article analyzes the results of the expedition to the southern regions of Altai, which is made by Johannes Gabriel Granö in 1909 on the instructions of the Finno-Ugric society. I. G. Granö is the scientist-geographer from Finland, then part of this period in the Russia Empire. The archaeological objects found out, described and sketched by him revealed during passage of a forwarding route on territory of modern Kazakhstan and Russian Altai are investigated. The archaeological materials collected by I. G. Granö are considered, and the contribution of this researcher to studying archaeological objects to Southern Siberia is interpret from modern scientific positions.

Keywords: Southern Altai, Bukhtarma, scientists from Finland, Finno-Ugric Society, archaeological sites.